

84 (1000-1000) 6

785

АЛЕКСАНДР ГРИШИН

Неравнодушная природа

Klage

on 13/11

2008

oesebuerice

ceyler 9.

25. nov. 92.

~~Handwritten signature~~

24-40-24

84(2.Рос = Рус) 6
17 85
Александр Гришин

Неравнодушная
природа

144860/1

Москва
«Современник»
1990

ББК 84Р7
Г83

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач.

Г 4702010202-058 168-90
М 106(03)-90

ISBN 5-270-00859-9

© Издательство «Современник», 1990

ЦВЕТЫ ИЗ ПЕРЕЛЕСКА

* * *

*Эти чувства —
напоказ —
не про нас...*

*Целоваться при народе?
Да ни при какой погоде!
Клясться в верности стране?
Не-е...*

*Разгребу снежок лопатой,
на порожке посижу,
на дорогу погляжу.
За улыбкой виноватой —
что скрываю?*

Не скажу...

ПОПЫТКА ТРАКТАТА

1. Звук

И хор, и голос, поднятый над хором,
и крик, и шепот, и мольба, и стон —
лишь волны звуковые. И простором
записаны, как на магнитофон.

И неким, следовательно, прибором
возможно нам извлечь из тьмы времен
клич боевой исчезнувших племен
иль Данте, занятого разговором

пустячным — о соседях, о погоде...
Не умирают голоса в природе!
Записывая, вертится Земля.

И страшно знать, что от любого слова —
неправого, бесстыдного, пустого —
смущаются магнитные поля.

2. Изображение

И вот лечу я, обгоняя свет!
А на Земле, среди сограждан милых,
мое изображение. Не в силах
догнать меня... И смотрит мне вослед,

отстав. А я пласты прожитых лет
за слоем слой снимаю. Как прожил их —
бесстрастно мне экран покажет. Нет,
не спрячешься в пространстве! Стонет в жилах

кровь от бессилья, боли и стыда.
Но хочется — туда, туда, туда,
где были мы и будем молодыми.

Холодный отираю пот со лба,
когда там разверзаются гроба
и мертвые становятся живыми.

Вот оно — проточное шоссе!
Большаки — к нему
и тропки все.
Даже лось из ближнего леса
отворачивается от листка
и трусит к ревущему железу.
Ладно бы из клетки —
нет, из лесу!
Приручили это существо
пряники,
летающие в него...

Хорошо

 быть травкою некошеной,
молодою умытой росой,
на прогретую землю наброшенной!..

Плохо,

тяжко

 быть острой косою.

Хорошо быть травкою,

 ромашкою,

заглядевшейся на синеву,

вольным облаком, певчею пташкою!

...Коль не надобно

сена

в хлеву.

Отец призывает сынов,
чтобы молвить последнее слово.
Одышка проклятая
долго
мешает начать.
Он смотрит сурово
на младшего и на старшого.
Дыханья хватает на:

«С миром!.. Жалеючи мать!..»

На белой кровати
лежит он, как трещина,
сиро.

Соседки пришли,
стали тело его обмывать.
Он с миром простился,
которому не было мира.
Но с эхом из бездны — о мире!
...Жалеючи мать...

ПОПЫТКА УТЕШЕНИЯ

Плач соседки:

«Не хочу больше жить! не хочу больше жить!..»

Что ты, Аннушка! Все забудется.
В безднах памяти боль заблудится.
Ты прости его, дурака, прости.
На все стороны отпусти-пусти.
А сама садись распашонки шить!..

«... не хочу больше жить! не хочу больше жить!..»

Брось ты, Аннушка! Было б семечко —
времена вырастут в наше времечко!
Не пристало нам вкруг себя порхать.
А кому тащить? А кому пахать?
А кому плечо подставлять плечу?

«... не хочу больше жить! не хочу! не хочу!..»

Знаешь, Аннушка, ведь и сам я тож
себе в пуп смотрел — до чего хорош!
Да лелеял боль, да вплетал в слова.
Однава живем! Ан не однава...
Чтоб себя жалеть да себя любить —
не хочу больше жить!

«... не хочу больше жить...».

Морозного воздуха полную грудь наберу,
глазами влюбленными вьюжную землю окину,
но, прежде чем вымолвить слово свое на миру,—
увиджу рябину,

как пламя, летящее косо по склону холма,
как знамя, развернутое при атаке высотки...
Цепляясь корнями — летит!

И разорвана тьма
во всем околотке.

Свети, родословное древо Отчизны моей,
где малою ягодкой я, Александр Анатольич,
вбирающий горькую сладость летящих корней
и сладкую горечь...

Как можно уезжать от этого простора,
от этих рощ сквозных, где так легко дышать,
от этих двух берез, бегущих с косогора,
как можно убежать?

Как можно уезжать?

Другие рощи есть? Березы есть другие?
И есть другой простор, светящийся в снегах?
Допустим. Но спрошу: а звезды жестяные
просвечивают ли в других березняках?

Как можно уезжать от этих красноплодных
рябин? Ты говоришь, рта не дают разжать?
Допустим. Но спрошу: от этих несвободных
пространств, тем более, как можно уезжать?..

Где ж вы, города-сады?
Нету и помина.
Грязь. Торговые ряды.
Скудная витрина.

Вновь рождает нам раба,
вновь несет уroda
ядовитая труба
нефтехимзавода.

Вон там, за Турою, у частных
владений, себе на уме,
возьму я земельный участок
и сделаю дело к зиме.

Нет-нет, я хором не построю,
забором не огорожу —
одних только лунок нарою,
березовый
сад
посажу...

По зимнику,
тая во мраке,
позёмки бегут,
как собаки.

Всё тычутся,
тычутся в ноги
идущих по зимней дороге.
Лизнут — и в пространство,
как в сажу!

Присяду
и шёрстку поглажу...

Плавной речки
 крутой изгиб.
В мягкой роще
 березы скрип.
Звезды,
 выросшие из глубины,
из Отечественной войны.
Холм округл,
 и тропа крута,
и без имени —
высота.
Тишь.
 Вихрастые небеса.
О среднерусская полоса!..

Уже скатил он бревна с возу,
воды колодезной попил,
как вспомнил, охнув, что в березу
всадил топор —
и позабыл...

В лесу всю ночь трудилась почва,
и глубина, и даль!..

К утру
из топорища вышла почка,
листок забился
на ветру!..

Я знал зажиточных людей,
их основательность и хватку,
их уважение к порядку
и к жизни ясной, без затей.

Накормлен их домашний скот,
ухожены их огороды.
И что касается свободы —
у них достаточно свобод.

Они до солнышка встают
и спины крупные горбят.
И неохотно деньги тратят.
И неохотно в долг дают.

На них плановики страны
далекие расчеты строят,
хоть деньги стоят то, что стоят,
а бескорыстью нет цены...

В три миллиметра здесь культурный слой
приподнимает над собой
резную карликовую березку,
морошку терпкую и ягель голубой.

Чум треугольный в воздухе парит!
На этот одинокий чум нацелясь,
в кисах легчайших
мудрый хант спешит,
и в гусеницах

лязгает

пришелец...

Вымирают заборы,
отживают свое.
Всё мудрёней запоры,
недоступней жильё.

Вымирают калитки
из певучих досок.
Ожидаешь улыбки —
а встречаешь глазок

с ободком из латуни
да рентгеновский взгляд.
Весь ты как на ладони!
Жди —
когда отворят.

ВИД НА УЛИЦУ

Витрины — в ряд,
машины — в след.
...Смотрел бы в сад,
да сада нет.

В стекло и сталь
бьет желтый свет.
...Смотрел бы в даль,
но дали нет.

На лбу — рука,
мне не уснуть.
Еще пока
есть Млечный Путь...

НАРОДНЫЙ ПРОМЫСЕЛ

Две сестры из ума выживают,
запустили хозяйство и дом.
Вышивают они, вышивают,
эта — гладью, а эта — крестом:

тени синие на снегу;
васильки на зеленом лугу.

Человека со свету сживают
сплетней, вещью, кислотным дождем.
Вышивают они, вышивают,
эта — гладью, а эта — крестом:

тени синие на снегу;
васильки на зеленом лугу.

Что за бред в их мозгу воспаленном?
Да взглянули хотя б из окна:
лугу синие на тени зеленом
снегу васильки на!

...тени синие на снегу;
васильки на зеленом лугу.

Р-раз — и нету березы. Свалили.
 Зачерпнули воды в озерке.
 Лебединое мясо сварили
 и поставили на ветерке.

Полукругом уселись. Хохочут.
 Наливают по полной. Сопят.
 Лебединую песню — не х о ч у т.
 Лебединого мяса хотят.

БОКОВАЯ ВЕТВЬ

Ветреной ночью смело со ствола
ветвь боковую.

Птица, что пела на ней и спала,
плачет впустую!

Кто возвратит ей утраченный дом?

Вон вместо дома —
до окоема зияет пролом,
до окоема...

Что же? Влетай!

Там живут поезда,
стройка клубится.

На электрические провода
можно садиться!

Русским тебе говорю языком:
всюду ты дома.

До окоема сияет пролом,
до окоема!..

МОНТАЖ БЕРЕЗЫ

(Фантасмагория)

Во поле береза стояла...

Часть первая.

Пейзаж без человека

...вновь ушли и не вернулись
рати.

Вновь разор в Отечестве
и чад.

«Некому березу заломати...»—
в женском общежитии кричат
песню...

Помню-помню песни ваши
после смены,
в полузабытьи,
девушки
от ...надцати и старше,
няни незамужние мои!..

Убегал я из дому без спросу
к песням вашим,
пряникам,
рукам...

...Как услышу:
«Некому березу
заломати...»—
слезы по щекам...

Не о прошлом речь —
о настоящем,
появившемся из пропастей.

Я, как чудо, в этом,
состоящем
из подростков, женщин и детей,
мире появился.

Пали рати.
Поколений цепь разор-
вана.

«Некому березу заломати,
некому кудряву...»

Вот она!..
Белая... одна... белее снега...
седины седее...
символ наш...

Пейзаж
без человека,
бесчеловечный пейзаж.

Часть вторая. Человек без пейзажа

— Где она...

эта...

как ее...

белое дерево?—

спросит мой правнук.

И что же — в ответ?

Тишина...

Цивилизация,
что ты с природой содеяла?
Что ты с березою сделала?

Где она?

Для опытов
в холодильную камеру ее помещали
с температурой
минус 273,
а когда родной земле возвращали —
охладились только:
«Жива-а... Смотри-смотри!..»
Где «железная» береза,
береза Ф. Б. Шмидта,
которая в 3,5 раза
прочней чугуна?
Топором!
И — ни царапины... Пулюю!
И — не пробита...
Где ж она?..
Кому — сестричка,
кому — любимая,
кому —
еще какая-нибудь родня,
истреблявшаяся
и неистребимая,
способная поросль
давать
от пня...
Что?
Безо всякого риска вали?
Сорное дерево?
Прошлогодний снег?
...В сугробы сгребали бульдозером,
с аэропланов опрыскивали,
и последние колки —
э-эх! —
поворотом рек...

Скажет мой правнук,
от всех своих видео-стерео
отключившись,
в бездонное глядя окно:
— Надо попробовать эту...
как ее...

белое дерево
смонтировать,
хотя бы одно,
чтоб шелестело,
переливалось,
кипело,
чтоб оживляло
индустриальный пейзаж.

Идею приняли.
Согласовали.

И — за дело!

Перво-наперво
трест организовали
«БЕРЕЗМОНТАЖ».

Запросили ученых:

«Отчего бела?»

«От органического красителя,
бетулина в коре», —
отвечали.

А отчего любима

да отчего мила —

этот вопрос обошли,

замолчали.

ЗАВОД ПО ПРОИЗВОДСТВУ БЕТУЛИНА
ПОСТРОИЛИ В РЕКОРДНО КОРОТКИЕ СРОКИ

Потом дознались,

что в тонне березовых листьев сожженных
оставалось никеля

2 килограмма 500 граммов.

А сколько горечи оставалось
в рощах опустошенных —
до этого не докопались,
куда там!..

(ТЕМ НЕ МЕНЕЕ ФАБРИКУ ПО ВОССТАНОВЛЕНИЮ
БЕРЕЗОВЫХ ЛИСТЬЕВ ИЗ НИКЕЛЯ
СПРОЕКТИРОВАЛИ И ВОЗВЕЛИ.)

Прознали про фитонциды,
несущие смерть микробам,
про серебро
в перегное березовых рощ...

И не было конца
новым заводам,
фабрикам,
опытам,
пробам —

цивилизация работала
на всю
мощь.

Еще
про черные черточки на бересте
много чего узнали:
что чечевичками назывались,
что они
весной и летом
дышали
и наглухо замуровывались
на все студеные дни.

И стояла береза —
ни жива ни мертва...

Словом,
было потомкам
над чем помучиться...

...И здесь я проснусь.

Да черта с два!

Ничего у них
не получится.

И в окно посмотрю.

Что там, под березами,—
научно-технический прогресс?

Я — за!

Но прогресс — под березами!

А не под колесами —

белое дерево

бе-

ре-

за.

ПРИТЧА

*Тропа... проселочная... шлях...
То снег, то листья краснотала.
Я шел и шел... Мне не хватало
дыханья. Ветер пел: «Приляг».*

*Я шел. «Остановись, чудак!» —
река из-за кустов шептала.
Я плыл. И вот ее квартала
огни. Вот дом ее. Я шаг*

*прибавил. Я во двор влетел.
«Дошел», — шептал. «Я так хотел», —
шептал. Дошел! Еще немного.*

*В подъезд нырнул я, как под лед.
Последний лестничный пролет.
Я — настезь дверь! А там — дорога...*

СТАРУХА

У дома барачного типа
причалила старая липа.
Смотри-ка, осталась цела,
все горести пережила.
В войну, говорят, все скрипела,
все сохла...

А после войны
вновь шумное платье надела
по поводу мирной весны.

У липы на черной скамейке
сучит бесконечную нить
старуха Наталья...

«Не смейте
старуху Наталью будить!—
так нам говорили.—

Не смейте
от дела ее отрывать!..»
У липы на черной скамейке
садилась она горевать
и в вёдро, и в дождь — спозаранку,
седин не убравши с лица...
А дочь у нее партизанка,
а сын у нее полицаи.

Одна была Родине верной,
служил у фашистов другой.
Она — под звездой фанерной,
а он — под Полярной звездой.

И вечером, вставши по кругу,—
в песке, на крыльце, у плетня —

игрушечным танком старуху
расстреливала ребятня.
И ты в своих стрельбах из танка
участвовал — не отрицай!
...и дочка ее, партизанка,
и Петька ее, полицай.

У дома барачного типа
цветет и качается липа,
как прежде качалась, цвела.
Старуха давно умерла.
Над нею сирень, да ограда,
да ветер, да птица:

«Фью-ить!»

Не надо,
не надо, не надо
Наталью
войною
будить...

ОПУСТИВШИЙСЯ ИНТЕЛЛИГЕНТ

Анекдот рассказав для затравки,
улучив подходящий момент,
меж ребят подгулявших, на травке,
опускается интеллигент.

И пока молодежь погогочет,
он газетку возьмет — пролистнуть.
Нет-нет-нет, он не хочет, не хочет,
разве что за знакомство, чуть-чуть.
Ну, а дальше — как в скучном спектакле:
треп, ужимки...

Знакомый типаж?

Вы такого встречали — не так ли?—
на разгрузке вагонов и барж,
при удельных князьках — в услуженье,
под опекой чиновных матрон...
Кто бы знал, до чего в унижение
опускаться сподобился он,
кто бы знал...

Да и кто же не знает?

Все живем на свету — не в тени.
До начальственных кресел, бывает,
опускается,

до болтовни
на трибуне высокой,
до лавки,
где и все продается, и вся,
до подножного корма, до т р а в к и —
ниже некуда, ниже нельзя.

Можно было б заметить... некстати...
Иль сослаться... вздохнув между тем...

Словом, как-то его «Христа ради» —
объяснить? оправдать?

А зачем?

Не дороже в истории новой
достаются ни хлеб, ни вода,
и конторской зарплаты рублевой
для святого хватает труда,
да еще остается остаток
на свободу, на совесть, на честь,
да на этот неполный десяток
книг, которые стоит прочесть...

Так чего ж я пристыл у березы
перед скучной картиной, чего?
Что ж смотрю — стыдно молвить — сквозь слезы,
как уже отгоняют его
от кормушки веселой, убогой,
подвернувшейся вдруг, без труда,
как размытой, разбитой дорогой
он идет... я не знаю — куда?..

Слесаря пропивают получку.
В школьном скверике
сгрудились в кучку.
За гонцом посылают гонца.
И попойке не видно конца.
Не прошибли их строчки Указа,
до хмельной не дошли головы.
Перед окнами первого класса
пропивают получку, увы...
И не то ведь
чтоб денег излишек,
и не то чтоб их даром дают...
Денег жаль.
Но жальчей ребятишек —
без отцовского глаза растут,
без отцовской науки да ласки
жестковатой, без присказки-сказки,
без прогулок по шелку травы...
Пропиваются дети, увы...
И не надо шептать мне, косяя
от избытка вины ли, вина,
мол, и это Россия... Расея...
дар-ра-гая-а мая-а ста-рана...
Нет!
Страна дорогая, разрушу
этот миф, унижающий Русь,
и за каждую русскую душу
повоюю,
поспорю,
побьюсь!

— Закурить не найдется?—
дружелюбно вполне
два молоденьких хлопца
обратились ко мне.

— Как же, как же! Да вот же...—
И печальней всего,
что не вспомню я больше
ничего,
ничего...

Госпитальной палаты
белизна и покой.
Что случилось, ребята,
с вами
полночью той?

Переделка какая?
Потому и невмочь,
что уже не узнаю,
не сумею помочь...

Выйду как-нибудь в полночь
и увижу:

сквозь тьму
мчится «скорая помощь».
А куда?
А — к кому?!

Помолчу виновато.
Что слова говорить?
Есть пока что, ребята,
у меня закурить!..

БАЛЛАДА

... И пшел, как говорится, прочь,
и ветер встретил, и очнулся,
и задохнулся...

— Вам помочь?—
послышалось.

Он оглянулся
и никого не увидал.
Шатаясь, двинулся по кочкам.
И вновь послышалось:

— Помочь вам?
Решил, что хорошо поддал.
Постичь бы бедному уму,
который только ветер встретил,
что это ветер,
ветер, ветер
на помощь бросился к нему.

Мы строим дом.
Отец фундамент роет.
Покрикивает:

«Санька, шевелись!»

И планы замечательные строит
на нашу замечательную жизнь.

Раствор мешаем,
кирпичи таскаем,
сколачиваем наскоро леса,
над стенами стропила поднимаем,
затягиваем ту же пояса.

Зовут на пруд — каникулы в разгаре!
Отнекиваюсь, не пускает дом.
Сегодня мать купила на базаре
кило картошки.
Хо-хо-хо, живем!

Живем, пока в руках горит работа,
и трезв отец, и не хворает мать,
и не иссякла ссуда от завода!

... а дальше неохота вспоминать.

ЕРОХИН
ВСПОМИНАЕТ
ГАЛАКТИОНОВА

— Галактионов Витя,
районный наш поэт...
В его нелепой свите
ходил я пару лет.
Писал стихи — куда нам! —
что ни строка — обвал...
И трогательно дамам
он ручки целовал.
Свободная натура,
художник, ё-моё!
Ему прокуратура
свое — а он свое.
Внимала шайка-лейка
ему с открытым ртом.

Садовая скамейка
была ему жильем.
Оттуда, слышь, из мрака
летит строка, светла...

Бродячая собака
товарищем была.
И мне она, бывало,
слюнявила щеку,
хоть лапу подавала
не всякому щенку.

Из наших рук подачек
не брал достойный пес.
От комнатных собачек
он воротил свой нос.

Отважен и неистов,
стихийных полон сил,
вальяжных медалистов
на дух не выносил.
Завидит — лезет в драку,
поднявши хвост колом...

— Да брось ты про собаку,
о нем давай, о нем!

— ...залижет кровь без стонов.
Уж я его корю!..

— Да что ж Галактионов?

— Вот я и говорю.
Пропал. С концами. Нету.
И — камнем — тишина.
В пространство или в Лету
втянуло. Всѐ! Хана.

«Где ж Витины глаголы?» —
ты спросишь. —

Видит бог,
висит на ветке голой
его стихов мешок,
под ним лежит собака,
навек уже верна...

А мне строка из мрака
сверкает — вот она:

«...СУКУ ЗВАЛИ ЛАСКОЙ...»

Поэт областного масштаба
под лампой, светящейся слабо,
у кленов и птиц на виду
читает стихи в горсаду.

Прибились послушать поэта
буфетчицы Лида и Света,
сменяли заботы свои
на вечер стихов о любви.

Пора и поэту прибиться,
войти в эти души и лица
бессменных сограждан своих —
усталых, печальных... Двоих...

Он выбрал далекую точку
и вспомнил забытую строчку,
ту самую, что без чернил
для милой своей сочинил.

За первую строчкой — другую,
такую же недорогую,
придуманную между дел,
когда он писать не умел,

не мог, не хотел, не старался,
в редакциях не отирался,
а просто любил, на беду,
у кленов и птиц на виду.

Обнявшись, глядят на поэта
буфетчицы Лида и Света,
то ахнут они, то вздохнут,
то слезы платочком смахнут...

Вновь обрушилась в душу с небес
домовитых скворцов перепалка.
Зеленеет заброшенный рельс,
зарастает крапивою свалка.

Словно выпущенное из пращи,
пролетает над нами светило.
И растет,
и ломает хрящи
сила духа—
подъемная сила!

Снег выпал — и стало светло,
и видно далёко.
От холода скулы свело.
Легко.
Одиноко.

Прожить на равнине нагой
не можно украдкой.
Стоишь перед этой зимой,
как перед тетрадкой
неначатой.

Воля — тропе!
Дыханью не тесно!
Шагнешь — и опорой тебе
российская бездна!..

* * *

*Одних — приструнили, других — отстранили,
а третьим сырою землю забили
измученный яростью рот.*

*Пустые морочит слова приструнённый,
в пустыне качает права отстраненный
и молча зарытый поет:*

*— Вперед,
 вперед,
рабочий народ!..*

Уводят от ответа
проштрафившихся псов.
Задела их газета,
раздела до трусов.

От нас — лояльных, смирных,
стерильных, неживых —
уводят сытых, жирных
собак сторожевых.

Уменьшены зряплаты,
понижены посты.
И временно поджаты
роскошные хвосты.

Вон опять за ним толпою ходят,
вон опять клубятся там и тут.
Так, толпою, встретят и проводят,
так, толпой, возвысят и сомнут.

Сами примут, сами отрекутся,
сами же себе и возразят.
И по спецкормушкам растекутся,
и по спецканалам пригрозят,

ежели противится природа —
мысль и чувство, птица и волна.
...Так и оторвались от народа —
не на дали, а на времена.

Рядом с безответными
в Отчизне
пожили они при коммунизме
с полным удовольствием своим.

...Вон опять
толпой идут за ним!

Пора бы вам подумать о душе.
Как говорится, ходим все под богом.
Не всё ж — о гараже, да тираже,
да опытной красавице под боком.

Пора бы вам подумать о стране,
которую забыли, о державе,
которую профукали — а не
о надобностях собственных и славе.

РАЗГОВОР

Доставай-ка, мать, все, что есть в печи,
вон сыны у ворот — Александровичи.

Сядем вокруг стола, переломим хлеб,
а по правую руку старшой мой — Глеб,

а по левую руку меньшей — Егор.
Неторопкий лепится разговор.

И, в спецовку штопаную одет,
со стены глядит Анатолий, дед.

— Где ж носило вас, по каким таким
сторонам глухим столько лет и зим,

внуки, дети, зятя да невесточки,
что ни духу о вас и ни весточки?

Слово за́ слово, говорим всерьез,
за вопросом новый растет вопрос.

Или мало мы наломали дров
из певавших нам золотых дубров?

Или мало рек расплескали мы
по могилам дедовским?

Тьмы и тьмы...

Со своей земли, своего двора
скоко ж вымели злата-серебра,

и пшеницы-проса, и ржи-овса?
Да, пожалуй, поболе германца-пса.

Чо ж так благостно языком мели?
Идти некуда со своей земли.

Никакой тропы, никакого пути
ни в которую сторону — нетути.

Коли тут стоять — дак о том и речь,
чтоб не брать-хватать, а жалеть-беречь,

не парить-летать, сказки сказывать,
а прорехи латать, бездны связывать,

наводить порядок в душе, в миру:
корень — к веточке, и добро — к добру,

чтобы тихо небу могла сиять
красно украшенная Отчизна-мать.

Не один сижу за столом в ночи,
вон оплечь сыны — Александровичи!

Запах свежего сена,
мяты и чебреца.
Запалилась, присела
вздремнуть у крыльца.

Бригадира просила?
Подсобила кума?
Нет, сама накосила,
сметала сама.

Журавли откричали,
пронизав синеву.
Долу руки упали —
в листву и траву...

Приберется, накормит кошку,
повечеряет —

а потом

к ясно вымытому окошку
подойдет
и упрется лбом.

Долго будут глаза сухие
над колодцем двора висеть.
Что высматривают? Какие
бездны видят?
Не разглядеть...

Пока безнравственная власть
нас нравственности учит,
желанье что-нибудь украсть
томит его и мучит:
леща в пруду,
сирень в саду,
черешен у соседки,
а там захочется — звезду
иль соловья на ветке.
Уж коли начал — до конца
на все пойдет, каналья.
...трояк из пенсии отца,
Байкал у Прибайкалья
и Забайкалья...

Обезлюдил власть без закона — отчизну мою,
и проклятый фашист обезлюдил последние хаты...
На заросшем полынью подворье врубает свою
магнитоу — но только хрипят из нее автоматы.

Разметало магнитными бурями «хэви металл».
(Соловей засвистал!) Разбросало железные звуки.
«Это он про чего?» На приступочек сел.

Так устал,
что о первой любви позабыл и последней разлуке.

За березовый колок тяжелое солнце зашло.
Тупо булькнула влага вонючая в грязной посуде.
Огляделся неспешно окрест: «Пожевать бы чего?»

...И в безлюдном краю, наконец,
обезлюдели люди.

Ищу земли́

 в земле родной:
известка, крошка
стекольная, кирпичный бой...
И — прет картошка!

Ищу в родной земле —

 земли:
щебенка, сажа,
бумага...

 И — цветы взошли,
и пахнут даже!..

ДЕТСКАЯ ПЛОЩАДКА

Сыновьям Егору и Глебу

1. Три цветных карандаша

На столе у малыша
три цветных карандаша.
Каждый вечер выходили
прогуляться не спеша.

Вышел синий не спеша.
Только за крылечко —
и
из-под
карандаша
выбежала речка!

Вышел желтый не спеша.
Стал на бережочек —
а
из-под
карандаша
сыплется песочек!

Вышел красный карандаш.
Раз —
 шажок,
два —
 шажок.
Появился праздник наш:
раз —
 флажок,
два —
 флажок!

Выводите, малыши,
все свои карандаши,
пусть на праздник Первомай
погуляют от души!

2. Светлячок

Светлячок среди ветвей
ходит с лампочкой своей,
как обходчик путевой.
Что он видит? Ой-ё-ёй!
Кто-то листик оторвал,
кто-то ветку поломал.
Выйдет белка прогуляться —
разобьется ж наповал!
Надо ветку починить.
Надо надпись сочинить:

«ЗАПРЕЩАЕТСЯ, РЕБЯТА, БЕЗОБРАЗИЯ ТВОРИТЬ!»

...а тут еще — нехватка кислорода!
Серебряная Севера природа
хватает дефицитный кислород,
как рыба, выброшенная на лед,

виясь и трепеща.

Смотри, неброска
картина: кочки в изморози, мга.
Вот подползает к сапогу березка,
а вот она ползет от сапога.

Смотри-смотри, куда нога ступает!
На местные цветы, сады, леса...
Десятилетия здесь не зарастает,
не заживает след от колеса.

Идешь-бредешь, — а за тобой — руины,
окрестности, пошедшие вразнос.
Степной широкий ветер с Украины,
скажи-ответь, куда меня занес?

Скажи-ответь, зачем укореняюсь,
растаю в кочки мшистые и мгу?
Не вьюсь, не трепещу. Да, задыхаюсь,
но — видит небо — ползать не могу.

Позарастали дороженьки к слову.
Все мои нивы рожают полову.

Розово-белая пена садов
схлынула — не обнажила плодов.

Страшно в глухую годину очнуться:
ветер шумит —
да деревья не гнутся...

ТЕМА ИЗ «МАУГЛИ»

В мире, где птичий шелк,
шорох тенистых рек,
человек человеку — волк,
а волку волк — человек.

Надышавшись огнем и свинцом,
отравившись безверьем —
повернемся к деревьям лицом,
повернемся к деревьям.

Там сверкает листва от росы,
в незабудках — опушки,
и считают года не стальные часы,
а живые кукушки.

По живому водили резцом,
по живому — мотором...
Повернемся к озерам лицом,
повернемся к озерам.

Там кувшинку качает волна,
и в любое мгновенье
нам возможность послушать дает тишина
наше сердцебиенье.

Может быть, перед самым концом
с любопытством бесстрашным
повернемся к природе лицом —
рощам, рекам и пашням.

Там в листве, и волне, и росе,
и в траве под ногами
обретем все печали и радости все,
что потеряны нами.

Как легко природа правит!..
На колени граждан ставит
не приемом болевым,
а цветочком полевым...

Стиснув зубы и сжав кулаки,
для начала — до той вон реки,
через реку — до той вон горы,
через гору — до той вон вершины...
И летите вы в тартарары,
обгоняя друг друга, кручины!

Что там — снег и дожди?

Ерунда!

Бурелом на пути?

Не беда!

Камнепад впереди?

Наплевать!

Протараним, пробьем, переможем.

А вершины нам не миновать,
если связаны с нею подножьем.

Но сначала — до той вон реки,
стиснув зубы и сжав кулаки.

* * *

*Только дверь открыть — и все дела...
Положить на краешек стола
рукопись*

*и отойти, потупясь,
и снести очередную глупость,
вовремя понять, подать и проч.,
выразить желанье превозмочь
недостатки,*

*к месту произнести
дома заготовленную лесть,
в грудь ударить:*

— Грешен, что скрывать! —

*И кивать,
кивать, кивать, кивать...*

*Только дверь открыть — и все дела!
Голова останется цела,*

а душа...

Бог с нею. И, скажи,
разве не покойней — без души?
Главное — повежливей расстаться,
улыбнуться, пожелать: «Всего!..»

Но — откроешь дверь, и, может статься,
больше не откроешь
ничего...

ЭЛЕГИЯ

Влетает лунный диск в кленовую аллею,
набросив на горсад серебряную сеть.
И надобно суметь отвлечься (что ж, сумею)
от суеты мирской и в бездну посмотреть,

пока гремит оркестр, и юные наяды
пленают молодых, а дамы средних лет
выгуливают псов и свежие наряды
и прибранных мужей, уставших от побед.

Пока пенсионер додумывает думу,
невидящим лицом уставясь в обелиск.
Пока бармен Виктор прикидывает сумму,
что выручил...

Итак, влетает лунный диск.

Есть нравственный закон во мне. А надо мною
сияет диск луны, исхоженной уже...

Нет неба надо мной!

Я там живу и строю.

Нет бездны надо мной!

А где ж она?

В душе,

во мне. И мрак, и свет. Ползучий гад и птица.
Безнравственный закон и нравственный закон.

Поэтому с небес давно пора спуститься
и в души посмотреть живущих испокон,

да, музыкой (а что?), но ведь нередко — болью,
увы, корыстью, но и бескорытием, да,

а более всего работой и любовью
и памятью...

Пора вернуться навсегда

к согражданам своим, к земным заботам грубым.
Лишь им благодаря ложится хлеб на стол,
и вырастает сад, и нефть бежит по трубам,
влетает диск и не
влетает дискобол...

В коридорах редакций — кладбищенская тишина.
Не витийствуют чтой-то на лестничных клетках

витии.

Жирно блещет паркет. Золотятся решетки витые.
Над столами мерцают то лысина, то седина.

Молодежный журнал вам напомнит больничный покой — разговоры про слабое сердце, про печень,
про почки...

Молодые, горячие и неудобные строчки
здесь не могут читать,
не держа валидол за щекой.

Ну, а если мелькнет молодое лицо, то оно
так напугано чем-то, что, право, и стыдно,
и больно.

И с таким-то в атаку за души людские? Да полно!
Не смешите людей. Хотя это совсем не смешно.

Не смешно, не смешно,
что глаза равнодушно скользят
по застиранным строчкам меж точками и запятыми,
что поэтов, которым под сорок, зовут молодыми—
ха-ха-ха! — не смешно — ха-ха-ха! — не смешно,
не смешно...

В коридорах редакций заплесневела тишина.
Не за славой забрел я сюда и не в поисках выгод.
Просто выход искал, просто выход искал,
просто выход —
но стена и стена, и стена и стена,
и стена...

1979 г.

Усмехнется работяга:
— Знамо, стерпит все бумага...
Только что б ты в жизни нашей,
дорогуша, понимал?
Ну, скажи, чего ты дашь мне,
коль в своей хрустальной башне
тяжелее авторучки
ничего не поднимал?

Эту критику приемлю.
Что с того, что камни, землю
в приполярье и пустыне
на горбу своем таскал,
задыхаясь, на пределе?..
Прав товарищ!

В самом деле,
тяжелее авторучки
ничего не поднимал...

Не береги поэтов, Русь!
Возьми их без остатка.
Что? Жалуются? Ну и пусть.
Пусть будет им несладко.

Прости слепцов, глупцов прости,
писателей куплетов —
но им грехи не отпусти...
Не береги поэтов!

Не дай им жить с тобой, шутя,
светло и одиноко.
Будь беспощадна, как дитя,
будь, как дитя, жестока...

Как на поляне кочку,
которая торчит,
редактор режет строчку,
которая горчит.

Идет на стих, как трактор
на глухариный ток.
За ним — другой редактор
пройдется, как коток.

И вот уже поляна
сияет, как шоссе.
И ни тебе бурьяна,
ни перышка в росе.

Давай, кати по свету,
читатель, веселей!
Гражданственности нету?
Откуда ж взяться ей?..

Когда холодеет ручей, а потом затихает,
и стелется по-над равниной недвижный туман,
по свежему снегу горячий песок протекает,
впадая в капкан.

Повизгивает, вырываясь на волю, собака,
и гонит охотника из дому древняя страсть,
с которою как совладаешь? Однако,
однако
расчетлива снасть.

СОН О ХУДОЖНИКЕ

На земле, где дождик
льет со всех сторон,
жил да был художник
посреди времен.

В комнате чердачной
жил — не унывал.
Все просвет на мрачной
туче рисовал.
Там душа водила
кисть перед собой!
Жаль, что не хватило
краски голубой.

Над землей суровой —
как судьбы итог —
голубой,
багровый,
звездный
лоскуток!..

ВСЕГДАШНИЕ ЗАБОТЫ

* * *

*На том холме, где синеве раздольно
среди березовых зеленых куполов,
стояла тишина как колокольня,
как колокольня без колоколов,*

*и облаков, и облаков касалась,
и обжигала водяную гладь.*

*Той тишины — казалось мне, казалось —
не пережить
и не перекричать.*

*Но вздрогнул лист,
роса упала громко...*

Крался, целился, бил — не жалко!..
Я не смог бы.
Я не смогу.
Пусть пушистая моя шапка
моет мордочку на снегу.

Что ж!
Поежмся среди шума
асфальтированных дорог.
Отогреет пусть моя шуба
милрой Родины островок.

Выйдет срок холодам и ветру,
выйду за город...

Горяча,
на ладонь мою — как на ветку —
белка скатится
с кедрача...

Оконная заснеженная рама,
за стеклами — лишь наледь отдыши —
как в детстве вышивает небо мама,
так просто вышивает, для души.

Мне кажется, она и не вставала,
вот так сидела у окна в тиши,
детей ждала и небо вышивала,
так просто вышивала, для души.

Войду, услышу: «Долго дома не был,
соскучилась, как ты живешь, скажи?»
А что я ей скажу? Живу под небом,
огромным, сотворенным для души...

В семье не гнались за вещами,
заботы были — поважней.
Он, не оставив завещанья,
не по миру пустил детей —

а в мир, где за любой обновкой
не спрячешь своего лица.
В шкафу отцовская спецовка —
все, что досталось от отца.

КАМЕНЬ

С какой прилетел стороны —
не знаю...

Оттуда, быть может,
где ветер последней войны
смирненные горы корежит,
где стонут они и дрожат,
охвачены смрадом и пеклом,
где птицы на пепле

лежат,

а камни

летают

над пеплом?

Покуда мой разум живой
ответа насущного ищет —
и ласточка над головой,
и камень летающий

свищет.

Отцвели соловьи,
и закончились встречи.
Обнимаешь свои
опустевшие плечи.

Вьюга, окна слепя,
снег метет у порога.
Обнимаешь себя,
чтоб согреться немного.

Как продрогла ты вся
от зимы, от разлуки!
Не закутаешься
в свои тонкие руки...

РОЩА

В машину села и сказала: «Трогай!»—
качнулся мир в забрызганном окне.
Увидела: деревья вдоль дороги
рванулись вдруг цепочками ко мне.

Я ждал. Я думал: все гораздо проще...
Идут секунды, месяцы дробя,—
вокруг меня растет все шире роща
деревьев, прибежавших от тебя.

Эта женщина не продается
и тебе, дураку, достается
не за ржавый пятак —
за бесплатно, за так,
как звезда, как вода из колодца.

Как легко с этой женщиной ладить,
как легко эту женщину гладить,
обнимать, целовать,
от себя отрывать,
оторвешь — навсегда оторвется.

Позовешь —
и она отзовется.
Разобьешь —
и она
разобьется...

Заброшенный уже, опустошенный...
 Как говорится, здесь вопрос решенный—
 на слом его?

На слом его, на слом!
 Неладно сшит он и нелепо скроен
 и этого простора недостоин,
 одетого бетоном и стеклом.

Тут не поможет никакая правка.
 Пожившего, его прошила травка,
 в нем ласточка живет под потолком,
 и дождик в нем, и ветерок...

Нелепость!
 Ну разве крепость дом такой? Не крепость.
 А раз не крепость, значит, и не дом.
 На слом его?
 На слом его, на слом!

Его не надо сторожить ночами,
 не надо дорожить его вещами
 и мебелью не надо начинать.
 И штопаный, и латаный, и битый,
 свободный, неухоженный, небритый —
 в таких мне доводилось ночевать!

Его я встретил, проплував немало
 среди красавцев нового квартала.
 За угол завернул и—
 черт возьми!—
 чуть в глубине, один, среди ромашек
 стоит,

забытой занавеской машет
и манит незакрытыми дверьми.

Войдешь—
глаза на звезды подними!

ПОБЕГ

Вот корень,
ствол,
вот ветвь, где листья живы,
и вот побег.

Побег бежит от ивы!
Но никуда не может убежать...

СОДЕРЖАНИЕ

ЦВЕТЫ ИЗ ПЕРЕЛЕСКА

«Эти чувства — напоказ...»	3
Попытка трактата	
1. Звук	4
2. Изображение	4
«Вот оно — проточное шоссе!..»	6
«Хорошо быть травой некошеной...»	7
«Отец призывает сынов, чтобы молвить последнее слово...»	8
Попытка утешения	9
«Морозного воздуха полную грудь наберу...»	10
«Как можно уезжать от этого простора...»	11
«Где ж вы, города-сады?..»	12
«Вон там, за Турюю, у частных владений, себе на уме...»	13
Север	14
«Плавной речки крутой изгиб...»	15
«Уже скатил он бревна с возу...»	16
«Я знал зажиточных людей...»	17
«В три миллиметра здесь культурный слой...»	18
«Вымирают заборы...»	19
Вид на улицу	20
Народный промысел	21
«Р-раз — и нету березы. Свалили...»	22
Боковая ветвь	23
Монтаж березы (<i>Фантасмагория</i>)	24

БОКОВАЯ ВЕТВЬ

Притча	30
Старуха	31

Опустившийся интеллигент	33
«Слесаря пропивают получку...»	35
«—Закурить не найдется?...»	36
Баллада	37
«Мы строим дом...»	38
Ерохин вспоминает Галактионова	39
«Поэт областного масштаба...»	41
«Вновь обрушилась в душу с небес...»	42
«Снег выпал — и стало светло...»	43

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ НОВОСТИ

«Одних — приструнили, других — отстранили...»	44
«Уводят от ответа...»	45
«Вон опять за ним толпою ходят...»	46
«Пора бы вам подумать о душе...»	47
Разговор	48
«Запах свежего сена...»	50
Одна	51
«Пока безнравственная власть нас нравственности учит...»	52
«Обезлюдилась власть без закона — отчизну мою...»	53
«Ищу земли в земле родной...»	54
Детская площадка	
1. Три цветных карандаша	55
2. Светлячок	56
«...а тут еще — нехватка кислорода...»	57
«Позарастили дороженьки к слову...»	58
Тема из «Маугли»	59
«Надышавшись огнем и свинцом...»	60
«Как легко природа правит!..»	61
«Стиснув зубы и сжав кулаки...»	62

ТРИ ЗВЕЗДЫ

«Только дверь открыть — и все дела...»	63
Элегия	65

«В коридорах редакций — кладбищенская тишина...» . . .	67
«Усмехнется работяга...»	68
«Не береги поэтов, Русь!..»	69
«Как на поляне кочку...»	70
«Когда холодеет ручей, а потом затихает...»	71
Сон о художнике	72

ВСЕГДАШНИЕ ЗАБОТЫ

«На том холме, где синеве раздольно...»	73
«Крался, целился, бил — не жалко!..»	74
«Оконная заснеженная рама...»	75
«В семье не гнались за вещами...»	76
Камень	77
«Отцвели соловьи...»	78
Роща	79
«Эта женщина не продается...»	80
Дом	81
Побег	83

Гришин А. А.

Г83 **Неравнодушная природа: Стихотворения.— М.: Современник, 1990.—87с.**
ISBN 5-270-00859-9

Название книги Александра Гришина — поэта из Тюмени — точно определяет творческую позицию автора, озабоченного проблемами времени — экологическими и культурными.

Автор полемизирует с известными представлениями о природе, как о чем-то бесстрастном.

Восстающая против бездумности и жестокости равнодушная природа поэта — голос его совести.

Это третья книга А. Гришина.

Г 4702010202-058 168-90
М 106(03)-90

ГРИШИН Александр Анатольевич

НЕРАВНОДУШНАЯ ПРИРОДА

Стихотворения

Редактор **Р. Е. Постоянцева**

Художественный редактор **В. В. Покатов**

Технические редакторы **Г. А. Бобылева, В. М. Котова**

Корректоры **Г. П. Панова, М. Г. Курносенкова**

ИБ № 5673

Сдано в набор 25.05.89. Подписано к печати 03.01.90.
А 00802. Формат 70x92/32. Гарнитура Литер. Печать офсетная. Бумага офсет. № 2. Усл. печ. л. 3,22. Усл. краск.-отт. 6,73. Уч.-изд. л. 2,19. Тираж 10 000 экз.
Заказ 447. Цена 25 коп.

Издательство «Современник» Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли и Союза писателей РСФСР
123007, Москва, Хорошевское шоссе, 62

Полиграфическое предприятие «Современник» Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли
445043, г. Тольятти, Южное шоссе, 30

57

НОВАЯ ЦЕНА

5 руб. 00 коп.

25 коп.

